

Валентина Николаевна СУШКОВА —
 профессор кафедры
 зарубежной литературы,
 кандидат филологических наук

УДК 821.111(73)

**«НОВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ» В ЛИТЕРАТУРЕ США
 (ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ)**

АННОТАЦИЯ. В статье речь идет о феномене американской литературы конца XX–начала XXI вв., связанном с творчеством иноязычных писателей, которые прибыли в США с других континентов. В отличие от идеи «плавильного котла», господствовавшей ранее в литературе Америки, сейчас модным становится «инакость», что сказывается в выборе тематики произведений и своеобразии использования английского языка.

This article is devoted to the phenomenon of American literature at the turn of the 20th century, connected with works of some American writers, who have arrived to the USA from different continents. Their works are in great demand today because they are treated as «alien» to the established American cultural values expressed by the dominant 20th century idea of the «melting pot».

В современное литературоведение прочно вошло понятие «новые американцы». В 2003 г. журнал «Иностранная литература» целый номер (№1) посвятил этому феномену. Кто же они? Что нового они внесли в культуру, литературу и язык Америки?

«Нынешний облик научной, интеллектуальной и эстетической мысли США, — справедливо считает ньюйоркец-культуролог Эдвард Саид, — сформировали те, кто бежал от фашизма, коммунизма и прочих режимов, практиковавших репрессии и высылку инакомыслящих» [1; 252], т. е. искусством и литературой современной Америки занимаются скитальцы, кочующие от языка к языку, для которых понятие «Родина», осознаваемое как общность языка, культуры и обычаев, утратило свое значение. Иначе говоря «новый американец» — это человек, для которого английский не является родным языком.

Если в XIX–XX вв. идея американской идеологии и культуры зиждлась на лозунге «из многих одно» (знаменитая идея «плавильного котла»), то сегодня все чаще звучат рассуждения о транснациональной литературе, о полиязыковости и поликультурности.

Существовавшая ранее ассимиляционная модель, соответствовавшая метафоре «плавильного котла», сопровождалась отказом от собственной этнокультурной и языковой индивидуальности, как это произошло, например, с Владимиром Набоковым. В конце прошлого столетия заговорили о расцвете иных, мультикультурных моделей, которые называют прямым следствием и одним из инструментов глобализации.

Модным оказалась «инакость». Финалистами последних национальных премий США стали: карибская писательница Джамейка Кинкейд, индоканадский автор Барати Мухерджи, индианка Джампа Лахири, японка Синтия Кадохата, китаец Ха Цзинь и многие другие.

Эти писатели имеют много общего: почти все они родились не в Америке, английский не родной для них язык, хотя пишут они на английском, литературным творчеством начали заниматься уже в США.

«Новых американцев» нельзя рассматривать как социальный феномен (по аналогии с «новыми русскими»). Это, несомненно, феномен художественный, подчеркивающий процесс глобализации в его культурных аспектах и объемности. «Новая американская» волна, — справедливо утверждает А. Зверев, — была проявлением опыта смешанных тождеств в результате вынужденной миграции» [2; 46].

Транскультурная чувствительность американских писателей выражается ярче всего в проблематике. Это проблемы миграции, промежуточности, переходности: ведь изгнанник по опыту знает как минимум две культуры и благодаря этому его сознание можно назвать контрапунктическим.

Основная тематика их произведений связана с языком, сексуальностью, взаимоотношениями детей и родителей, мужчин и женщин и т. д. Эстетика их произведений чаще всего строится на обыгрывании столкновения современной американской действительности и традиционной национальной мифопоэтики, символики, метафоры, иногда опосредованных, поскольку есть и авторы, которые родились уже в США. Как следствие — появление новой повествовательной техники, соединяющей документальность, автобиографичность и мифологическую фантастику.

Характерные для этих художников темы ассимиляции, вхождения в инокультурную реальность, адаптации к ней часто выражаются в виде типичных для западной традиции романов воспитания, становления и (авто)биографий. Наибольшую известность в России среди произведений «новых американцев» имеют автобиографические книги Джамейки Кинкейд.

Джамейка Кинкейд (настоящее имя Элейн Поттер Ричардсон) — автор книг «На дне реки» («At the Bottom of the River», 1992), «Автобиография моей матери» («The autobiography of My Mother», 1996; рус. пер. 1999), «Мой брат» («My Brother», 1997) и др.

«Автобиография моей матери» представляется исследователям в качестве своеобразной модели текста для литературного выражения мультикультурности (double cultural identity): смешение мифа, легенд, устных рассказов и реальных событий создает необычный стиль романа, который стал значительным событием в современной американской литературной жизни.

В повести «Люси» (1994), опубликованной в № 1 «Иностранной литературы», Джамейка Кинкейд рассказывает свою собственную историю девушки из бедной семьи с острова Антигуа, попавшей в семнадцатилетнем возрасте в США в качестве прислуги и ставшей там известным автором. Перед нами, казалось бы, типичный рассказ об американском успехе. Как верно подмечает М. Тлостанова [3; 238], успех книги не только в антиколониальной проблематике (резкие обвинения в адрес британской колониальной политики) и не столько в раскованности экзотической образности островной культуры, сколько в изысканной подражательности английскому модернизму с узнаваемыми фрейдистскими мотивами.

Вот один из примеров ее прозы: «Я годами твердила, что не хочу быть похожей на собственную мать, и в результате пропустила самое главное: да, я не была *похожа* на свою мать — я в нее превратилась. Теперь-то я понимала, почему, глядя на мои жалкие попытки отмежеваться от нее, она неизменно говорила: «Беги хоть на край света, все равно никуда тебе от этого не деться: я — твоя мать, в твоих жилах течет моя кровь, я девять месяцев носила тебя в своем чреве». Что это, как не приговор к пожизненному заключению в темнице, засовы в которой покрепче любого железа? К тому времени у меня в комнате скопилось целая коллекция ее писем, девятнадцать штук, по письму на каждый год моей жизни, и все они лежали нераспечатанными. Я даже подумывала вскрыть конверты, поджечь послания с четырех углов и отправить назад, не читая. Я слыхала так поступают любовники, когда, охладев, хотят расстаться с бывшим предметом страсти, однако опасалась даже приближаться к письмам. Я точно знала: стоит мне прочесть хотя бы одно, и я умру от тоски по маме».

Повесть «Люси» — рассказ о сложных взаимоотношениях матери и дочери. Исследователи интерпретируют его не только в традиционных психоаналитических терминах, но и как постколониальное произведение: освобождение от власти матери в сочетании с детской жадой материнской любви сопоставляется со взаимоотношениями колонизатора (матери) и колонизированного субъекта (ребенка). Од-

нако книги Кинкейд лишены откровенной политической ангажированности. Она утверждает, что ее задача как автора — сделать читателей «немного менее счастливыми», поэтому она не любит традиционных американских хеппи-эндов, отрицающих открытые, двойственные финалы.

Можно отнести к жанру биографии и роман «Йо» (1997) американской писательницы доминиканского происхождения Хулии Альварес. Известность в США она получила после опубликования романов «Как сестры Гарсия избавились от акцента» («How the Garsia Girls lost their Accents», 1990), «Во времена бабочек» («In the Time of the Butterflies», 1994), «До того как мы стали свободными» («Before We Were Free», 2002) и др.

Роман «Йо» состоит из коротких главок-новелл, в каждой из которых свой повествователь. Их объединяет знакомство с главной героиней Йоландой, отсюда уменьшительное Йо. Мать, кузина, подруга, квартирная хозяйка, заочно влюбленный в героиню маньяк как бы пишут сочинения на тему «Йо в моей жизни». Каждый видит ее по-своему. На родном языке героини и писательницы «йо» означает «я». Так Хулия Альварес пишет свою автобиографию, но с чужой точки зрения.

В первых главах Йо — девочка, увезенная из Доминиканской Республики в США. Она выросла, долго искала себя и постоянно рассказывала истории: в детстве устно, во взрослой жизни — в книгах.

Мать, говоря об Йо, признается, что той не было ничего тяжелее, чем торчать у матери на глазах. «Божье наказание, а не ребенок». «Часто я лила на этот язычок соус «Табассо», надеясь выжечь ложь, которая текла изо рта этой девицы просто-таки бесконечным потоком. Для Йо «разговаривать» значило «проверить, какие еще выдумки сойдут безнаказанными», — это снова голос матери.

Понимает Йо только отец: «Из моих четырех дочерей мне всех ближе Йо». Когда дочь смотрит на отца, он понимает, что ее взгляд проникает далеко в прошлое, добирается до того мальчика в коротких штанишках, который тянул руку в школе, пытаясь, единственный из класса, ответить на безумные вопросы школьного учителя: «Какого цвета волосы у Бога?», «Вычти из суммы ее тень, а затем помножь на ее отражение — что получится?». Но однажды выдумка дочери чуть не стоила жизни всей семье, и отец исхлестал ребенка ремнем, приговаривая: «Попомни, чтобы больше у меня не смела истории рассказывать!»

Прошло сорок лет, дочь выросла и стала писательницей. В тяжелую минуту ее жизни, когда женщина Йо понимает, что не сможет иметь детей, именно отец, помня свою давнишнюю вину перед дочерью — запрет к сочинительству, вселяет в нее желание продолжать жизнь и творить. «Твои дети — это твои книги. Ты должна рассказать о своей семье. Покинув родину, семья осталась без рода без племени. Не зная ее истории, мои внуки и правнуки, — говорит отец, — так и не отыщут дороги назад. Прими мое благословение и передай потомкам».

В таком контексте встает проблема национального самосознания и его глубинной связи с изгнанием. Уклад жизни, манера выражаться и вести себя в новой среде обитания — все это соотносится с воспоминаниями о среде старой. Так обе среды — новая и старая — сосуществуют в контрапунктическом единстве.

В языке Альварес, Кинкейд и других «новых американцев» это дает «новояз»: ради высоких тиражей авторы уже не «маскируются» под высокую классическую американскую литературу (кстати, книги Хемингуэя, Фолкнера, Селинджера и других пылятся на самых верхних полках университетских библиотек), они используют свою инаковость в целях рекламы. Большинство авторов, как уже говорилось, пишут по-английски, потому что так их книги станут доступны широкой аудитории. Здесь английский язык поистине теряет свою националь-

ную принадлежность, выступая языком глобализации. При этом он активно пересоздается, что выражается в диалоге повествовательных моделей, взятых из разнородных, а порой и взаимоисключающих традиций. Очень часто транскультурные писатели-иммигранты прибегают к технике коллажа, введению в английскую речь персонажей «родных» диалектизмов, метафор и пр. «Будете себя плохо вести — придет el ciso (медведь) и вас утащит», — страшит детей мать в романе Хулии Альварес. «Ау, рарі, мамі, пожалуйста, не надо», — просит ребенок... И так далее.

Общеизвестно, что язык тонок, проникает всюду, соединяя эмоции человека с его способностью к познанию мира. Литературное творчество «новых американцев» связывает вечные духовные ценности и читательскую реальность благодаря своеобразию использования языка.

В произведениях «новых американцев» английский язык как никогда демонстрирует свою способность к мутации. Некоторые исследователи считают, что язык этой литературы станет «Spanglish» (блистательным) в ближайшем будущем [2; 49].

Что касается национального самосознания, то его, пожалуй, лучше всего выразил китаец Джоан Ли: «Если говорить о восприятии культуры и ценностей, я — американец. Но если иметь в виду самоощущение..., я по-прежнему азиат или китаец. Я чувствую по-другому. Если вы спросите, что именно я чувствую иначе, я и сказать-то не сумею. Дело не в том, что люди относятся ко мне по-другому. Дело в том, что я сам — другой» [4; 263].

Интересное мнение в этом плане высказал и Василий Аксенов, эмигрировавший в Америку более 20 лет назад: «У меня есть глубокое убеждение, что человек, рожденный в другой стране, уже не станет американцем, несмотря на старания. Американцем можно только быть. Не зря есть такой закон, что президентом может стать только родившийся в США» [5; 283].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Саид Э. Мысли об изгнании // Иностранная литература. 2003. № 1.
2. Zverev A. American Literature in the Age of Globalization // American Literature at the Edge of XX–XXI. Kyiv, 2004.
3. Тлостанова М. Эра Агасфера, или как сделать читателей менее счастливыми // Иностранная литература. 2003. № 1.
4. Ли Дж. Азиатоамериканцы рассказывают о себе // Иностранная литература. 2003. № 1.
5. Аксенов В. Американским писателем я не стал // Иностранная литература. 2003. № 1.

Бигайша Зейнулльевна АХМЕТОВА —
и. о. доцента кафедры русской филологии
Костанайского государственного
университета им. А. Байтурсынова,
кандидат филологических наук

УДК: 811.161.1'282.2(254)

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА КАЗАХСТАНА

АННОТАЦИЯ. Автор представляет результаты анализа фонологической системы костанайских диалектов. Особое внимание уделяется особенностям заднеязычных [к] и [г].

The author presents the results of her analysis of the phonological system in Kostanai dialects. Special attention is paid to the peculiarities of back-tongue consonants [k] and [g].